

МАРИЯ ШТАНОВА

В памяти моей

Мария Штанова

В памяти моей

«Издательские решения»

Штанова М.

В памяти моей / М. Штанова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-962812-1

В автобиографической повести автор ярко рисует картины пережитого в годы войны. Воспоминания детских лет полны впечатляющих моментов из жизни детей путейцев, которые восстанавливали стальные магистрали по всей стране, а дети учились и жили в интернатах. Рекомендуется для семейного чтения.

ISBN 978-5-44-962812-1

© Штанова М.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Глава 1. 1941 год	8
Глава 2. НЕМЦЫ В ГРУШНОМ	11
Конец ознакомительного фрагмента.	16

В памяти моей

Мария Штанова

Редактор Марат Валеев

Дизайн обложки, вёрстка Максим Башаркин

Фотография на обложке Александр Кустов

© Мария Штанова, 2019

ISBN 978-5-4496-2812-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Светлой памяти родителей моих посвящаю

Я голос ваш, жар вашего дыхания,

Я отраженьё вашего лица.

А. Ахматова.

От автора

Что побудило меня сесть за эту повесть о жизни? Трудно сказать... Во-первых, видно, пришло время выполнить то обещание, которое я когда-то дала своему отцу, участнику Великой Отечественной войны, почетному железнодорожнику Федору Михайловичу Щёкину, который просил меня написать о жизни путейцев, работников Путевой Машинной станции (ПМС). Сегодня ему исполнилось бы 107 лет. Его нет с нами уже более 35 лет, и я должна, наконец, рассказать о нём, о нашей семье, о том, как мы выжили в страшном аду войны, как учились и росли после войны.

Во – вторых, недавно ушёл из жизни мой родной брат Алексей, который понимал меня как никто, помогал всю жизнь, чем мог, не пытался меня «поучать» на правах старшего брата. После его смерти я «всей кожей» почувствовала страх одиночества, страх того, что всё, что связано с нашей семьёй, с нами, пережившими ад войны, выжившими каким-то чудом, – всё это канет в небытие, будет забыто. Этот страх забвения и породил моё страстное желание написать о нас тем, кто будет жить после нас, может быть, моим будущим правнукам (дай Бог, если они появятся на свет!).

Скажу честно: эти воспоминания дались мне далеко не просто. Порой приходилось как бы заново переживать случившееся много лет назад. Всё же светлых моментов в моём детстве было немало.

«Нет ничего выше и сильнее, и здоровее, и полезнее впредь для жизни, – говорил Ф.М.Достоевский, – как хорошее какое-нибудь воспоминание, и особенно вынесенное ещё из детства, из родительского дома».

Ещё одно обстоятельство заставило меня написать эту книгу. В наши дни кто-то пытается утверждать, что мы, рожденные в 1935—1937 годах, не являемся детьми войны. А кому же тогда было по 5- 7 лет? Кого спасали наши отцы и матери? Во имя кого погибали на фронтах и сутками трудились в тылу, отдавая последние крохи нам, своим малышам? Какое кощунство пытаться переписывать историю Великой Отечественной войны и принижать великую роль Красной Армии, освободившей Европу от фашизма? Забыть всё это? Разве можно забыть детей Ленинграда? Детей Хатыни?

*Мы в детстве не знали компьютерных игр-
Мы видели танки с названием «Тигр».
В 12 лет мы у станка на ящиках стояли,
Сразиться с фрицем на «ИЛ-2»
Мальчишками мечтали.*

Эти стихи родились у меня спонтанно, в момент сильного душевного волнения. Нет ничего удивительного в том, что в год 70-летия Победы многие из нас, детей войны, мысленно возвращаются в те далёкие годы, вспоминают тех, кому обязаны своей жизнью и свободой.

На моём жизненном пути встречались люди разные: добрые и злые, открытые и замкнутые, щедрые и прижимистые, остроумные и недалекие, – словом, люди как люди, со всеми их недостатками и достоинствами.

«Личная история каждого человека, генетический код его памяти тоже ведь вырождается, если не питать его своевременно, – утверждал известный писатель Борис Васильев.

Не претендуя на художественные изыски этой повести о жизни, все же смею предположить, что некоторые эпизоды из моего жизнеописания, например, рассказы о жизни детей Путевой Машинной Станции, будут интересны для сегодняшних путейцев, тех, кто круглые сутки делает наши железные дороги безопасными и комфортными. Нам, детям ПМС, прихо-

дилось менять по 3—4 школы в течение учебного года и колесить по «стране моей широкой» с юга на север и с запада на восток, месяцами не видеть родителей, мерзнуть по ночам в интернатах и мечтать о маминых пирожках. В памяти моей целый кладезь воспоминаний – весёлых и грустных, светлых и горьких. Незабываемых...

Глава 1. 1941 год

В начале жизни помню я войну...

– Подайте, Христа ради!» – послышалось из открытой двери вагона, в котором жила наша семья железнодорожника-путейца.

Мама взяла со стола кусочек хлеба и обратилась ко мне:

– Манечка, спустись с лесенки и подай бабушке хлебушек!

Я, трёхлетняя девчушка, стремглав помчалась к двери, переступила порог, спустилась с верхней ступеньки и увидела маленькую старушку, протягивающую сухую жилистую руку к хлебу. Чтобы дотянуться до её руки, мне надо было спуститься ещё на одну ступеньку, но моя маленькая ножка не дотянулась, соскользнула – голова моя закружилась – и я полетела вниз. На крик выскочили папа с мамой. Старушка охала, разводила руками, а я лежала на земле: голова моя была вся в крови. К счастью, станционный медпункт был рядом с нашими вагонами, и папа быстро принёс меня к врачу.

Помню женщину в белом халате, склонившуюся надо мной. Она зашила мою рану (травма была небольшой, рана зажила быстро, но шрам остался на всю жизнь и принёс мне немало страданий). Помнить себя я стала именно с этого случая. Мне было три с половиной года. Это было в мае 1941 года. Наша Путевая Машинная Станция №6 стояла тогда на ст. Ясиноватая Донецкой области. Таких «путьремов», как их называли в народе, было по Союзу около ста.

Они производили комплексный и частичный ремонт железнодорожного полотна. Наша ПМС №6 относилась к Приднепровской железной дороге (раньше Сталинской ж. д.), а в целом по Союзу руководило этой системой Главное Управление реконструкции железных дорог СССР, которое находилось при Наркомате (Министерстве) путей сообщения в Москве.

Что представляла собой эта ПМС? Обычный товарный состав, в котором жили путевые рабочие, инженеры, бригадиры, работники бухгалтерии, в которой служил и наш папа – сначала кассиром, а потом главным бухгалтером. Как правило, семье отводилось полвагона, а иногда и целый вагон. Оборудован такой жилой вагон-теплушка специальной печкой- буржуйкой, кроватями со спинками и панцирной сеткой, матрацами, тумбочками. Летом обычно готовили еду на улице, пользуясь примусом или керогазом, а иногда просто разжигали костры. Стоянки ПМС чаще всего находились в дальнем тупике, где-нибудь в живописном месте, часто на берегу речки, чтобы рабочие могли искупаться после тяжелого рабочего дня. Если стоянка была длительной, то строили специальные бани с душем. В таких вагонах люди жили, растили детей, создавали семьи, отдыхали, устраивая вечерами танцы под гармошку или патефон. Единственным источником информации было радио, та самая знаменитая «чёрная тарелка», которая принесла нам страшную весть 22 июня 1941 года. Всех путейцев собрали в вагон-клубе и объявили: «С этого момента ПМС переходит на военное положение. Всем семейным мужчинам в течение 48 часов срочно организовать эвакуацию своих семей на восток страны, отправить на ближайших поездах, пассажирских или товарных».

В нашей семье сложилась такая ситуация: шестилетний Алёша, мой старший брат, в то лето отдыхал в родной деревне Солонец-Поляна Курской (ныне Белгородской) области. Папа привез нас с мамой сначала в Богуслав Днепропетровской области, к маминим родным, где жили её мама, отчим, сестры Миля и Наташа с семьями. Папа обещал нам вернуться и отправиться в Курскую область, чтобы соединиться с Алешей и быть там всем вместе. Мы надеялись, что немцы туда не придут.

Время шло. От папы вестей никаких не было. Фашисты уже приближались к Днепру, уже начались первые бомбежки. Помню, мы с Толиком (моим двоюродным братом) сидели

на подоконнике, и вдруг окна задрожали, посыпались стекла, и в огороде что-то ухнуло. Мы упали на пол, закрыли глаза и прижались друг к другу. Наступила томительная тишина, и тетя Миля, мама Толика, прошептала: «Дітки, не бійтеся, вони вже відлетіли». Это был первый фашистский налёт на Богуслав. Когда мы выбежали во двор, сразу поняли, что произошло: в саду на нашу старую шелковицу упала бомба, и на месте роскошного дерева зияла глубокая воронка, к которой нам запретили подходить.

Потом ещё бомбили не раз наш родной Богуслав. Не стало старинной кирпичной школы, магазина, которому было около ста лет. Гибли люди, скот. В Павлоград пришли немцы. Молодых парней угоняли в Германию. Забрали и нашего дядю Гаврюшу, красивого высокого парня, которому в ту пору было только 16 лет. Он был отправлен в шахту Рурского бассейна, где пробыл до конца войны. Его спасло крепкое здоровье и добросовестный труд. Его дочь Анна рассказала мне о том, как отец, находясь в неволе, видел разных немцев, и не только фашистов. Среди них были и настоящие, добрые люди. Один из них забрал Гаврюшу к себе домой. Даже была фотография (и я её помню: Гаврюша держит велосипед, на котором сидит хозяйская девочка). Он всегда повторял слова: «Не все немцы фашисты». После освобождения из фашистской неволи Гавриил Николаевич Козелецкий служил в Красной Армии в Калининграде и домой вернулся только в 1948 году. Мужья тети Наташи и тети Мили, Петро и Яшко, с первых дней ушли на фронт и вернулись с войны только в 45-м, израненные, но живые.

В июле 1941 года за нами, наконец, приехал папа. Приехал глубокой ночью, велел быстро собраться, и ранним утром мы отправились на вокзал в Павлоград. Там стояли товарные составы. Это я как сейчас помню. Раздался паровозный гудок, и народ густой толпой хлынул к вагонам. Папа втокнул маму в вагон, а меня через головы передали следом. В этот момент у меня слетела с ноги туфелька, но искать её, разумеется, было некогда, толпа напирала, папа еле выбрался, и мы потеряли его из виду. Поезд тронулся, мы плакали в голос, прижатые со всех сторон какими-то мешками, вещами, чьими-то локтями. Было так душно, так страшно, что, казалось, конца этому кошмару не будет. Дышать было трудно. Мама держала меня на руках, а в ногах у неё лежал узелок с едой и большим платком. Она старалась придвинуться ближе к двери, где ещё можно было дышать.

Кое-как доехали до станции Синельниково. Низкий протяжный гул над крышей вагона привёл всех нас в какое-то оцепенение. А потом началось такое... Взрывы, крики, вспышки, грохот. Бомбёжка! Все стали прыгать из вагонов, бежать кто куда: в посадку, в пшеницу, под вагоны, на станцию. Мама схватила меня в охапку, как сноп, завернула в платок и побежала в пшеницу, легла, прижала меня к груди и замерла. Так длилось очень долго; стало тихо-тихо, только где-то рядом кто-то кашлял. Мама подняла голову и увидела рядом с нами старика в украинской косоворотке. Он взял меня на руки, успокоил маму и предложил:

– Если второго налёта не будет, надо идти на станцию, узнать, что там и куда дальше путь держать. Эта ветка разбита, и ехать придется с узловой.

Я ничего не понимала тогда, но видела, как мама изменилась в лице. «Неужели мы даже до Валук не доедем?» – прошептала она. – «Не доедем, так дойдём! – уверенно произнёс дед и решительно встал. Был он высокий, крепкий, жилистый и белый, как лунь.

– Дидусь, а вы откуда? – спросила мама.

– Павлоградский я. Не хочу под немцем ходить. Одну войну с ними я уже пережил, хай им лихо буде, а в 33-м году вся моя семья с голоду померла.

– Мой батько тоже на той войне сгинув, даже не знаем, где его могила, – вздохнула мама.

Мы шли пешком очень долго до узловой станции Синельниково-1. Мама держала меня на руках, так как оставшуюся одной вторую туфельку пришлось выбросить, а босиком идти мне было трудно.

Ехали до Валук на платформе с углем, стали черные, как негры, угольная пыль забилась в волосы, в нос, в уши. Потом ехали на пригородном поезде до Нового Оскола. Помню,

ночевали у каких-то папиных родственников, которые вымыли нас, нашли мне какие-то старенькие ботиночки, а утром привели нас на базар, где нашли там своих земляков из Солонец-Поляны, и с ними мы, наконец, добрались на подводе в родное наше село Грушное, где и встретились с Алёшенькой. Он не плакал, а только спросил: «А вы немцев видели?» Немцев мы ещё не видели, но они нагрянули и в Грушное совсем скоро, кажется, осенью. Мама уже работала в колхозе.

Глава 2. НЕМЦЫ В ГРУШНОМ

*Вам не случилось быть при том,
Когда в ваш дом родной
Входил, гремя своим ружьём,
Солдат земли иной?*

А. Твардовский, «Дом у дороги».

Помню, мы сидели на кухне, ужинали. Раздался собачий лай. Немцы! Они вошли молча, уселись за стол, приказали подать им яйца, молоко, хлеб. Немец показал на часы и велел маме (через переводчика) сварить в большом чугуне яиц и принести из колодца воды, наполнить две бочки, стоявшие во дворе. Мама увела нас к бабушке в сарай и пошла за водой. Колодец у нас был один на пять дворов. Там оказалась большая очередь, так как в каждой хате стояли немцы, и всем им нужна вода. У колодца женщины общались, сообщали новости. Первая страшная новость: девушек и парней 16—17 лет угоняют в Германию, уже пришла машина. Именно тогда и забрали мою крёстную, Марусю, которую я больше не увидела. Она погибла в одном из фашистских концлагерей. Спустя много лет, а именно в 1985 году, находясь в ГДР по туристической путёвке, я ездила в Бухенвальд и положила букет цветов к подножию памятника погибшим узникам...

Появились и полицаи. Одного из них мама запомнила на всю жизнь. Так, перед самым приходом немцев в колхозе началась срочная раздача посевного зерна из колхозного амбара, ключи от которого были у нашей мамы (ей доверили как лучшей звеньевой колхоза). Женщины быстро уносили мешки с зерном по домам. Мама вместе с другими звеньевыми выдавала хозяйке каждого двора по два мешка зерна под расписку. И тут объявился первый будущий полицай, Мишка Г. (умышленно не называю его фамилию, из милосердия к его внукам) и потребовал у мамы ключи от амбара, где оставалось ещё половина зерна. – Кто ты такой, чтобы я отдала тебе ключи от народного добра? – гордо заявила мама и стала на дверях. Тогда он выхватил из кармана пистолет и выстрелил в воздух. Это был первый выстрел в Грушном. Женщины закричали, оттолкнули Мишку, окружили маму, сами разобрали оставшееся зерно и помогли ей добраться домой. С тех пор у мамы начались сердечные боли, которые мучили её всю войну. А Мишка Г. за пособничество фашистам после войны получил по заслугам: 10 лет тюрьмы. В своё село он больше не возвращался.

Немцы хозяйничали во дворе: поставили посреди двора огромный котёл, приказали наполнить его водой и принести из курятника все яйца. Дров не было, приказали разобрать на дрова старую веялку. Потом принесли хворост, который никак не разгорался, так как был сырой от дождя. А потом вдруг так вспыхнул, как будто там что-то взорвалось. Огонь стал быстро расползаться по двору и уже добирался до сарая, где была корова с телёнком.

Мама закричала, немцы тоже всполошились и давай гасить разбушевавшееся пламя. В котле варились яйца, штук 50. Немец смотрел на часы: «Шнеллер, шнеллер!» (Скорее, скорее!). Видно, им приказали уезжать.

Вдруг в курятнике раздался крик. Это наш Василь, папин младший братишка (ему тогда было 14 лет), пытался спрятать несколько штук яиц за пазуху, а немец заглянул в курятник и увидел его, схватил за грудки и швырнул в угол, как котёнка. Вася упал лицом вниз, пытался подняться, но не мог: ноги отказали совсем. Дело в том, что ещё до войны, учась в шестом классе, на уроке физкультуры Вася упал с бума и повредил позвоночник, долго болел, но все-таки понемногу двигался. А тут такое нервное потрясение – и ноги отказали. Так наш Василь перестал ходить, и мы его всю войну возили на тачке, которую он сам себе смастерил. Кстати, у него были золотые руки, как говорила моя мама. Он умел делать всё: мельницу домашнюю

для помола зерна, точилку для ножей, из старых бабушкиных капотов шил для моей куклы платье.

Дядя Вася научил меня читать. В шесть лет я уже бегло читала хрестоматию для 6-го класса. Помню «Крестьянские дети» Некрасова с раннего детства. Может быть, оттуда и родилась моя любовь к литературе, к родному слову.

Бабушка Анюта, мать Васи, лечила его разными травами, заговорами, даже однажды позвала цыганку, которая пыталась нас обворовать и уже готовилась вынести со двора целый мешок продуктов, подаренных ей за «лечение» бабушкой Анютой. Не повезло цыганке на этот раз: на пороге появилась мама с коромыслом в руках, да так «поговорила» с воровкой, что та едва ноги унесла, оставив на столе этот мешок и литровую банку с «целебной красной водой» (подкрашенной марганцовкой). Разразился большой скандал. Бабка Анюта кричала:

– Ах, Антонов огонь! Сибирка б тебя забрала!

Это было самое сильное проклятие в адрес строптивой снохи. Отношения у них не сложились с самого начала. Бабушка Анюта была мачехой для моего отца. Дедушка Миша, папин отец, женился на ней после смерти первой жены, папиной матери, Татьяны, женщины тихой и кроткой. Феде тогда было восемь лет. Характером он был в мать, спокойный, молчаливый, рассудительный. Через несколько лет Анюта родила Васю. Он рос очень послушным, способным к учению, в школе получал каждый год похвальные грамоты. У нас с ним сложились очень добрые отношения. Моя мама жалела его, помогала ему, а он её называл няней, любил и уважал её за доброе сердце и весёлый нрав. А бабушка Анюта считала нас «чужаками», «лишними ртами», «хохлами». Так что каждый стакан молока, каждый кусок хлеба для мамы был страданием.

– Если бы не дети, – говорила она своим подругам, – ноги бы моей в её доме не было. Женщины в Грушном сочувствовали маме, так как знали крутой характер бабки Анюты.

Так Богу было угодно, что уже после войны, где-то в году 48-м, мы получили письмо от Василя, в котором он с радостью сообщил нам, что снова стал ходить ногами. Потом женился, стал отцом троих детей. Всю жизнь занимался пчеловодством, присылал нам свой замечательный белгородский мёд, приезжал в гости в Куйбышев, где мы уже жили в своей квартире. В последний раз я видела дорогого дядю Васю в 1983 году, когда он приезжал на похороны моего отца, а через полгода и его не стало. Прожил дядя Вася 56 лет.

Но сегодня память явила мне моего любимого дядю Васю таким, каким мы возили его в коляске в 1944 году. Помню, Лёня притащил из лесу маленькие колеса-шасси от разбившегося немецкого самолёта. Мальчишки тогда чего только не находили: и гильзы, и патроны, и куски разбитой военной техники. Так вот эти шасси дядя Вася пристроил к своей коляске и мог передвигаться теперь на настоящих мягких колесах. Потом Лёша принёс зелёный вещмешок, который оказался парашютом. Мама сначала испугалась, а потом обрадовалась: это был белый парашютный шелк, несколько метров. Позднее мама этот шелк носила в Новый Оскол на базар и меняла на мыло и соль. Вообще после немцев ведь в доме ничего не осталось, хоть шаром покати – всё забрали, удирая. Видно, горький опыт Сталинградской зимы научил их многому. Они хватали всё подряд, ничем не брезгуя. Выгребли все печурки, разграбили даже бабушкин сундук, в котором хранились льняные полотенца и платки («на смерть»). Они разбили драгоценный ткацкий станок, на котором бабушка Анюта ткала холст. Помню, как быстро бегал челнок по основе, а бабушка пела одну и ту же песню: «Ох, ты мой роди-и-именький, да на чужой сторонушке». Холст немцы тоже забрали.

Моя детская память удержала несколько эпизодов, связанных с немцами. Помню, мы сидели в погребе, куда мама принесла нам кувшин молока и краюху хлеба. Видно, немец выследил, куда она спустилась, пошёл следом за ней, спустился на три ступеньки вниз и своим тяжёлым сапогом ударил Лёню по лицу. Может быть, фриц решил, что здесь прячется партизан? Но поняв, что здесь только дети, выругался и пошёл прочь. Поздним вечером они уехали,

собравшись довольно спешно. Потом немцев долго не было. В селе Солонец-Поляна был назначен староста. Мама говорила, что, в отличие от полицая Мишки, староста был человек смиренный, никого не обижал.

Школу закрыли. Всю зиму 1942 года мы жили впроголодь, питались мёрзлой картошкой, ели жмых, парили калину. Нас спасали лесные орехи, которые мы сушили на печи, и сухофрукты, в основном груши. Село наше Грушное (часть Солонец – Поляны) всегда славилось садами, которые росли под горой, в низине. Широкая лента дороги уходила далеко в поле, а за нашим садом начинался большой овраг, поросший густыми кустами орешника. Место живописное в своей запущенности: крапива в человеческий рост, полынь, дикий малинник – самое настоящее лесное царство для детей, раздолье – есть где поиграть в прятки, затаиться и ждать, когда можно будет «застукаться». Помню, мы играли в прятки с мальчишками по фамилии Кишкины. Их мать, тётя Варя, бывало, выйдет на огород и зовёт: «Колька, Петька, Васька, идите абеды-ы-ыть!». Отца эти трое мальчишек так и не дождались с войны: погиб на фронте в 1944 году.

В нашем саду росли груши мичуринского сорта «ранет бергамотный», вкус которых я помню до сих пор. Когда начинался сильный ветер и спелые груши падали на землю, я бежала в сад, подбирала тяжелые сочные груши в подол платья и приносила в дом. Бабушка Аня резала их на две части и выкладывала на противень в печь. Сушеные груши – это чудо как вкусно!

Несмотря на тяжёлое время военных тревог и потерь, дети оставались детьми, и детские впечатления сохранились на всю оставшуюся жизнь...

Немцы заходили в Грушное реже, чем в Солонец-Поляну, видно, боязно им было бродить по нашим опасным глухим оврагам. Мама рассказывала, как однажды у нас в селе остановились мадьяры и финны, бывшие союзниками гитлеровской армии. Один рыжий финн улёгся в дальнем углу двора, на куче хвороста, постелил себе огромную перину, потом вдруг встал, сбросил перину с хвороста и стал что-то искать. Оказывается, его заинтересовали торчавшие из-под хвороста берестяные лыки, из которых мама плела лапти (обуви у нас уже никакой не было). Лыки были высушены и спрятаны под хворостом. Кроме того, под лыками была глубокая яма, где мама спрятала чемодан с довоенными вещами, которые позже она носила в город и меняла на соль, спички и керосин. Вот почему она с тревогой следила за действиями финна, с интересом рассматривавшего лыковые колечки, недоумевая, что бы это значило. Мама опасалась, как бы он не вытряхнул их все и не обнаружил яму. Но, к счастью, он утихомирился, снова притащил свою перину и улёгся на неё. Гроза миновала. Мама вздохнула свободнее. Были и забавные, почти анекдотические эпизоды встреч с немцами. Например, наша соседка, бабушка Уляшка, рассказала нам о том, как она высмеивала немца, который заставил её стирать его нижнее бельё. Зная, что фриц не понимает по-русски, бабушка взяла его кальсоны, потрясла их перед его носом и рассмеялась:

– Эх, ты, засранец, видно, наши-то крепко по тебе стреляли, что ты в штаны пук-пук?!

Немец тоже рассмеялся, уловил смысл и смущенно повторил:

– Я, я, пук, пук!

Надо сказать, что у нас в Грушном они не лютовали, хотя про машину-душегубку мы слышали. Мама нас от себя никогда не отпускала. Сама она была одета в какое-то тряпье, голову повязывала тёмным платком и похожа была скорее на худую старуху. А ведь ей тогда было только 30 лет.

Помню, как один немец бегал по двору, ловил петуха, а я кричала:

– Не трогай моего Петьку!

Мама прижала меня к себе и увела со двора. Но самым, пожалуй, памятным был случай с Соловьем, нашим домашним хранителем, собакой, которая ценой своей жизни спасла нас

от лютой смерти. Прошло уже более 70 лет с того памятного дня, а помнится всё так ярко, так подробно, как будто это случилось вчера.

...Голос у нашего Соловушки был такой звонкий, такой залиvistый, что когда он начинал лаять, его слышала вся округа. Это был огромный лохматый пёс из породы

«московская сторожевая». Целыми днями он гонял по двору кур, дружил с телёнком и не обижался, когда тот загонял его в конуру. Вообще-то он был довольно смирный пёс. Но вот однажды...

Летний июльский день начинал остывать. Сгущались сумерки. Вдруг по всей деревне разнёсся собачий лай. Наш Соловей тоже включился и громко залаял. Так собаки лают только на чужих.

Немцы! Во двор вошёл толстый неуклюжий немец с автоматом через плечо. Соловей зарычал и стал носиться по цепи. Немец прошёл мимо и поднялся на крыльцо. Вошел в дом, увидел маму, подошёл к ней, толкнул её в спину автоматом и приказал:

– Шнель, шнель! Ком! (Быстро! Быстро! Иди!).

Мама вдруг стала белой, как стена, схватила нас за руки, прижала к себе и вышла на крыльцо. В вечерних сумерках мы увидели её глаза. В них были слёзы. Мама поцеловала нас и прошептала:

– Не бойтесь, дети, я с вами. Бог не оставит нас.

За её спиной стоял фашист, дуло автомата жёстко упиралось в мамино плечо. Вдруг из конуры выскочил наш голосистый Соловей и, почуяв беду, бросился отчаянно нас защищать. Он так яростно рвался с цепи, что она не выдержала. Соловей оказался у самых ног немца и стал, жестоко оскалившись, рвать его ногу. Эта неожиданная схватка длилась несколько минут, а, может быть, несколько секунд. Немец на какое-то мгновение отвлёкся, потерял нас из виду, только отбивался от Соловья. Наконец, прицелился и выстрелил. Мы с Лёшей закричали во весь голос, но мама зажала нам рты и ринулась за угол дома, к открытой калитке, ведущей в сад. Кто-то мгновенно закрыл калитку на задвижку с обратной стороны и накиннул на маму старый пиджак.

Деревянный забор был увит диким малинником, за ним начинался глубокий овраг, заросший высокой крапивой. Мы мигом туда спустились и побежали вдоль оврага, хватаясь за ветки, за крапиву, не чувствуя ожогов. Автоматная очередь повторилась, и мы слышали жалобный визг нашего любимого Соловья, нашего дорогого защитника. Мы всю ночь просидели в лесу под кустами орешника. За нами этот толстый немец не решился идти. Русская ночь в лесной глуши для немца хуже огня. Не помню, как мы выбрались оттуда, но утром в нашей деревне немцев уже не было. Через несколько дней в село Солонец-Поляна вступили наши войска. В нашем доме расположился медсанбат. Соловья мы похоронили под вишней в саду. Над ним с тех пор вот уже 70 с лишним лет поют знаменитые курские соловьи...

Более 70 лет минуло с тех пор, как прогремели страшные бои на Курской земле, а помнится всё так ярко, так подробно. В памяти моей до сих пор наш глубокий холодный погреб, который служил нам единственным убежищем. Мы сидели в нем и чувствовали, как вокруг дрожала земля от проходивших по большой дороге танков: это наши защитники мчались на Велико-Михайловку, а дальше – на Прохоровку, где и проходила знаменитая Курская битва. Небо стало чёрным от дыма. Наши огороды были все изрыты окопами. В саду не осталось ни одного яблочка или груши – фашисты все вытрясли. Дом наш был разграблен, стёкла выбиты. Вещи (одеяла, полотенца, одежду тёплую) немцы увезли с собой. Благо, было жаркое лето, и мы ночевали во дворе.

Наконец, и в родное село Грушное вступили наши войска. Это произошло 4—5 июля 1943 года, значительно раньше исторической битвы под Прохоровкой. Свидетельством тому служит маленькая фотография, на которой сняты все дети села Грушное, нас там 28 человек, мальчики и девочки от 3 до 10 лет. На лицах детей ни одной улыбки, ещё застыл страх пережи-

того. Фотографировал солдат. На обратной стороне этого снимка детской рукой сделан рисунок: два самолёта – один с черным крестом устремлён вниз, а другой с красной звездой взмывает вверх. И число: 5 июля 1943 г. Это рисунок Лёни, ему было тогда 8 лет.

Село Грушное (Белгородская область). 5 июля 1943г.

Помню, как всю ночь наши бойцы откармливали нас мясными консервами из своего солдатского пайка, а мама отмывала все углы в доме, ухаживала за ранеными, которых было очень много, и они лежали прямо на полу и во дворе. Еще помню, как медсестра Галя перевязала голову моей разбитой кукле Варьке. Я решила её умыть. Кукла была глиняная, и краска потекла. Глазки у моей Варьки стали белые, совсем бесцветные. Я заплакала и пожаловалась Гале: «Теперь моя Варя совсем ослепла». Тогда Галя достала индивидуальный пакет и подарила мне. Помню, как солдаты принесли патефон, поставили пластинку, и я услышала, как поёт хор, но не могла понять, где же находятся люди, которые поют...

Помню, как мы с Лёней сидели на завалинке и плакали: он плакал от сильной боли – порезал руку, когда косил траву, а я плакала от жалости к нему. Подошла медсестра Наташа, сделала ему перевязку. Мы ждали маму с поля. Когда она пришла и увидела Лёнину перевязанную руку – заголосила. Она подумала, что он наскочил на гранату. Теперь мы плакали все трое – от горя, от тоски, что нет с нами дорогого папочки и нет писем от него. А он в это время лежал в госпитале с осколочным ранением. Их состав находился недалеко от линии фронта. Они ремонтировали разрушенный путь. Когда папа пошел закурить на другую половину вагона, то спустя несколько минут снаряд разорвался там, откуда он только что ушёл. Папа получил осколочное ранение и лежал в госпитале. Слава Богу, вскоре после освобождения мы стали получать папины письма, он писал, что скоро поправится и к нам приедет. С этого дня мы ждали папу день и ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.